

Н. А. СМЕРНОВ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
РУССКОЙ «ПОВЕСТИ» НЕСТОРА ИСКАНДЕРА
О ВЗЯТИИ ТУРКАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1453 г.**

I

В старинных летописях, хронографах и других памятниках древней русской письменности нередко можно встретить важнейшие по своему содержанию и значению исторические материалы, относящиеся не только к истории русского и соседних народов, но и освещающие иногда события, которые имели место в далеких странах.

Среди первостепенных по своему значению памятников XV в. прежде всего следует назвать «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472 гг.), найденное историком Н. М. Карамзиным в одном из сборников XVI в. и названном им Троицкой летописью¹. Несколькою годами раньше был написан другой выдающийся труд, историческая «Повесть» Нестора Искандера, известная под названием: «Повесть о Царьграде, его основании и взятии турками», или же: «О взятии Царяграда от безбожного Махмета, Амуратова сына». Различные варианты этой «Повести» (полный и сокращенные) можно встретить во многих летописях XVII в., в русских хронографах, а также и в отдельных списках. Наиболее полный вариант помещен в Воскресенской летописи², а также в летописи по Никонову списку³.

Видные русские ученые XIX в., занятые собиранием и изучением летописей, — А. Ф. Бычков, В. А. Яковлев и И. И. Срезневский, уделили в своих работах внимание и этой «Повести», хотя они еще не знали имени ее автора.

И. И. Срезневский писал, что, перечитывая эту «Повесть» в более или менее искаженных списках, можно догадаться, что она составлена «если не очевидцем, то современником, или по крайней мере по рассказам современников, и должна занять почетное место между другими современными рассказами»⁴. В то же время И. И. Срезневский отметил, что имеющиеся списки этой «Повести» «довольно различны не только в мелочах чтения и правописания, но и в тех чертах, которые могут годиться для ответа на

¹ Полное собрание русских летописей, т. VI. СПб., 1853, стр. 330—354.

² Там же, т. VIII. СПб., 1859, стр. 125—144.

³ Там же, т. V, стр. 222—237.

⁴ Ученые записки Второго отделения Академии наук, кн. 1. СПб., 1854. Раздел III — «Повесть о Царьграде», чтение И. И. Срезневского, стр. 136, или отдельный оттиск, 1855, стр. 25. Ниже цитируется по этому последнему изданию.

вопрос, когда, кем и по какому случаю она написана. Без сличения возможно большего количества списков, — писал он, — нельзя решить, что считать в них вставками и изменениями позднейшего времени, и что именно было в подлиннике»¹. И. И. Срезневский справедливо считал, что без очищения первоначального текста нельзя сделать окончательного вывода о значении «Повести» как исторического памятника. В предисловии к своей работе, посвященной этому произведению, он отметил, что Академия наук, считая «Повесть» одним из замечательных памятников русской письменности, нашла нужным приготовить ее издание и объяснение, поручив сличение списков и очищение текста от ошибок переписчиков Я. И. Бередникову. Однако, в связи со смертью последнего, его труд остался неоконченным.

Вместо него и появилась «Повесть о Цареграде», составленная И. И. Срезневским на современном русском языке, на основе семи имевшихся в его распоряжении списков этой «Повести». О своей работе И. И. Срезневский писал: «Исполняя поручение Отделения, я составил содержание „Повести о Цареграде“, как уразумел его из тех списков, которые были у меня под рукою». Тут же автор говорит, что он сохранил не только почти все подробности, но и выражения подлинника, и сличил эту повесть с другими современными памятниками византийскими, западно-латинскими и некоторыми восточными, сопоставив в своих примечаниях различный материал, относящийся к исследуемому вопросу. Прежде всего, И. И. Срезневский сделал вывод, что в «Повести» имеются два самостоятельных сказания: одно — об основании Цареграда, другое — о его взятии турками в 1453 г.²

Своей работой И. И. Срезневский положил начало изучению «Повести», высказав ряд очень важных критических замечаний, снабдив предложенный им текст интересными комментариями, объясняющими отдельные слова, термины, выражения и факты, широко используя для этого сведения, почерпнутые у греческих и итальянских авторов (на латинском языке). Высокую оценку этой работы И. И. Срезневского дал Н. Г. Чернышевский, указавший в своей заметке «Повесть о Цареграде», что «эта Повесть, хотя и потерпевшая от позднейших вставок в известных ныне списках, должна быть почитаема рассказом, вовсе не лишенным исторической достоверности»³.

Высоко оценивая историческое значение обработанной им «Повести», но не зная ее автора и высказывая лишь догадку, что она составлена «если не очевидцем, то современником», И. И. Срезневский был уверен, что первое место среди источников об осаде и взятии Константинополя турками принадлежит не этой «Повести», а письму «самовидца» (очевидца) — митиленского епископа Леонарда Хиосского к папе Николаю V от 16 августа 1453 г. (текст этого письма на латинском языке Срезневский издал в приложении к своей работе «Повесть о Цареграде»)⁴.

Открытый в конце XIX в. новый вариант «Повести» с именем автора безусловно увеличивает историческое значение этого памятника по сравнению с письмом Леонарда Хиосского.

Русская дворянско-помещичья и буржуазная историография, как известно, много занималась историей Византии, в том числе и последним

¹ «Повесть о Цареграде», чтение И. И. Срезневского, стр. 25.

² Там же, стр. 4.

³ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. II, М., 1949, стр. 693.

⁴ «Повесть о Цареграде», чтение акад. И. И. Срезневского, 1855. Приложение, стр. 50—68.

периодом ее существования, равно как и изучением византийских историков и их трудов о падении Византии. Среди монографической литературы прежде всего следует назвать исследование М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками»¹.

Н. Г. Чернышевский дал критический разбор этой работы, указав на ряд существенных ее недостатков².

Среди работ русских ученых по интересующей нас теме большое место принадлежит публикациям различных вариантов «Повести» о падении Константинополя. Так, в XIX в., помимо публикации И. И. Срезневского, эта повесть была издана А. Ф. Бычковым в 1859 г. в Воскресенской летописи и В. Яковлевым в сборнике, под названием «Сказания о Цареграде по древним рукописям»³.

Тут же можно отметить, что как М. Стасюлевич, так и другие авторы в своих исследованиях почти не обращаются к тексту названной «Повести». Можно предполагать, что вопрос об использовании этой «Повести» осложнялся тем, что она встречалась в различных вариантах и еще не было открыто имя автора. Кроме того, в русских хронографах XVI в. помещены сказания о падении Царьграда совершенно другого содержания. Так, например, русский хронограф первой редакции, выполненной в 1512 г., заканчивается главою 208, которая носит название: «О взятии Царяграда от безбожного турецкого царя Амурата еже бысть в лето 6961». Известный исследователь русских хронографов А. Попов отметил, что эта глава бесспорно русского сочинения и «заключает в себе плач и сокрушение о падении Царьграда. Она не имеет ничего общего с известной полной исторической Повестью о взятии Царьграда»⁴. По предположению А. Попова, эта глава сочинена самим собирателем хронографа и автором общего заключения, с обращением к русской земле.

Интересно отметить, что уже в русском хронографе второй редакции, появившемся в 1617 г., глава 208 опущена совсем и заменена сокращенным вариантом исторической «Повести» «О взятии Царяграда от безбожного Магмета Амуратова сына» по тексту русских летописей XVII в. (Воскресенской, Никоновской и др.).

Можно указать еще на один оригинальный хронограф XVI в., известный под названием «Толстовского списка», где помещена статья о падении Царьграда совершенно другого содержания и без отдельного заглавия⁵. По мнению А. Попова, этот очерк переведен с греческого источника, содержит некоторые подробности, которых нет в русской исторической «Повести о Царьграде» и представляет совершенно самостоятельное сочинение.

Свою точку зрения А. Попов подкрепил интересными доводами, полученными в результате сравнения текста двух названных источников. По его мнению, на всем «Толстовском списке» хронографа сохранились следы хронографа югославянского извода; отсюда и оригинальный рассказ о падении Константинополя.

Установив, таким образом, что в памятниках русской письменности имеется три совершенно самостоятельных повествования о взятии Кон-

¹ Ученые записки Второго отделения Академии наук, кн. 1, 1854.

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, М., 1949, стр. 643.

³ Сказания о Цареграде по древним рукописям, изданные под редакцией В. Яковлева. СПб., 1868.

⁴ Обзор хронографов русской редакции Андрея Попова, вып. 1. М., 1866, стр. 213.

⁵ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Сост. Андрей Попов, 1869, стр. 67—91.

стантинополя турками, из которых первое, включенное в русский хронограф первой редакции 1512 г., вовсе не содержит исторических фактов о падении Константинополя, а «Повесть» «Толстовского списка» написана греком и попала в Россию, как доказывает А. Попов, в составе югославянского извода, можно сказать, что все внимание исследователя должно быть сосредоточено на исторической «Повести», помещенной в летописях и других сборниках, т. е. именно того памятника, который и явился предметом изучения И. И. Срезневского.

Наиболее распространенный вариант этой «Повести» можно обнаружить в «Скифской истории» Андрея Лызлова, написанной в 1692 г. и впервые изданной Н. Новиковым в 1767 г.¹

Совершенно независимо от этого издания, та же самая «Повесть» была напечатана в 40-х годах XVIII в. в особом Сборнике, содержащем изложение «Истории» Иосифа Флавия (об иудейской войне). Полное название этого Сборника, пользовавшегося большой известностью в течение почти ста лет и переиздававшегося более десяти раз, такое: «История о разорении последнем святого града Иерусалима и о взятии Константинополя столичного града греческой монархии, из разных авторов собранная»².

Интересующая нас часть Сборника содержит близкое к летописному варианту описание основания и падения Константинополя; однако первая, сильно сокращенная часть помещена в конце «Повести» и принадлежит другому, нежели в летописях, автору, а именно Иоанну Людовику Готфриду, и заимствована из его «Архонтологии». Если «Повесть» в «Скифской истории» заканчивается краткой выпиской из трудов Кромера и Стрыйковского, то в этом Сборнике имеется еще добавление о храме св. Софии, о мощах великого царя Константина и текст греческой надписи (с русским переводом), помещенной на гробнице Константина Великого. По сравнению с исторической «Повестью» описание падения Константинополя здесь несколько сокращено, однако самостоятельного извода этот текст не представляет. Можно отметить, что названный Сборник переиздавался до середины XIX в., но никогда особым вниманием историков не пользовался³.

В заключение нужно отметить, что, быть может, впервые краткое содержание исторической «Повести о падении Царьграда» было помещено в «Книге степенной», составленной, — вернее, законченной, митрополитом Макарием, умершим в 1564 г.⁴

Изучение основного варианта исторической «Повести» значительно продвинулось вперед в связи с открытием и опубликованием в 1886 г. нового и наиболее полного текста, в котором было «послесловие» с указанием

¹ Скифская история — из разных иностранных историков, паче же из российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными трудами сложена и написана лета 1692. А ныне на свет издана Николаем Новиковым. Изд. 2-е, ч. II. Москва, 1787, стр. 151—193.

² «История о последнем разорении святого града Иерусалима и о взятии Константинополя столичного града греческой монархии, из разных авторов собранная», против первого издания третьим тиснением напечатана в Санктпетербурге, в 1745 г., стр. 105—169.

³ Восьмое издание этого Сборника вышло в 1788 г., десятое — в 1809 г. Этот же Сборник был издан, но уже на современном русском языке, под названием «История о последнем разорении Иерусалима и о взятии Константинополя», в Москве, в 1854 г.

⁴ «Книга степенная» царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Каприяна и Макария, а напечатана под смотрением Г. Ф. Миллера, ч. II. Москва, 1775 г., стр. 50—69.

имени автора — Нестора Искандера. Этот новый вариант «Повести» был найден архимандритом Леонидом в сборнике Троице-Сергиевой лавры начала XVI в.¹

И. И. Срезневский в свое время высказал догадку, что историческая «Повесть» написана, если не очевидно, то бесспорно современником, и «распространилась на Руси во время Иоанна III, — когда браком его с Софьей Палеолог еще сильнее скрепились связи русских с их единоверцами греками, — а может быть еще и ранее, т. е. после того, как немедленно по взятии Царьграда стали к нам являться греки с просьбой о вспоможении и, вероятно, не без записок о бедствии, постигшем их отечество»². Архимандрит Леонид, которому посчастливилось найти новый список «Повести», относящийся по письму к началу XVI в., пришел к выводу, что его список не только древнейший из известных списков, но и единственный, содержащий «послесловие, в котором значится имя сочинителя, время и обстоятельства, среди которых было написано это замечательное сказание»³.

Изучив текст «Повести» и послесловие, автор пришел к выводу, что «сочинитель Повести некто Нестор Искандер — невольный потурченец, русский по происхождению, великоросс или уроженец Литовской Руси». Однако уточнить происхождение Нестора Искандера автор не решился, считая, что одного слова, встречающегося в тексте, а именно — «израда» (измена) — на западно-русском наречии, еще недостаточно для окончательного вывода. Из текста «Повести» и послесловия видно, что Нестор Искандер был русским по происхождению и находился во время осады Константинополя в составе турецких войск.

В напечатанном полном тексте «Повести» по найденной рукописи Леонид привел фотокопию первого ее листа (лист 216-а) с заглавием «Повесть о Царьграде (о создании его и взятии турками в 1453 году)» и фотокопию послесловия (первые четыре строки с листа 252 обр., остальные с листа 253-а), где Нестор Искандер пишет о себе: «Аз многогрешный и беззаконный Нестор Искандер измлада взят быв и обрезан»; далее он сообщает, что много времени провел («пострадах») в ратных хождениях. Отсюда можно заключить, что Нестор Искандер был военным; но он не питал уважения ни к своей профессии, ни к насильно ему навязанной мусульманской религии, что можно заключить из его восклицания: «Да не умру в окаянной сей вере!» О своем участии в осаде Константинополя Нестор Искандер сообщает: «Тако и ныне в сем великом и страшном деле ухитряются овогда (когда) болезнию, овогда (когда) скрыванием, овогда (когда) же совещанием приятелей своих, уловляя время дозрением и испытанием великим, писах в каждый день творимая деяния вне града от турков»⁴.

Дневнику своему Нестор Искандер, как это видно из его собственных слов, придавал большое значение. Войдя в город (вместе с турками), пишет автор «Повести», он собрал «от достоверных и великих мужей» сведения о том, что творилось в городе во время осады («противу безверных»), и вкратце изложил и передал христианам «на воспоминание преужасному сему и предивному изволению божию».

¹ «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV в. (По рукописи Троице-Сергиевой лавры нач. XVI в., № 773). Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886.

² «Повесть о Царьграде» — чтение И. И. Срезневского. Ученые записки Второго отделения Академии наук, т. I, 1854, стр. 137.

³ «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера, стр. III.

⁴ Там же, стр. 43.

Комментируя послесловие Нестора Искандера, Леонид пришел к выводу, что сначала Нестор Искандер писал по ходу событий, позднее же привел в порядок свои записки и составил «Повесть о Царьграде». Он склоняется к предположению, что Нестор Искандер сумел переслать свой труд в Москву через знакомых ему греков; иначе, т. е. если бы ему самому удалось привезти его, он упомянул бы об этом в своем послесловии.

В пользу того, что открытый вариант «Повести» был переписан в самом начале XVI в. и поэтому должен считаться старейшим, полнейшим и исправнейшим из всех известных до сих пор, а благодаря послесловию — единственным в своем роде, Леонид приводит такой довод: «Отличием его от прочих и вместе признаком его древности служит начертание выражений: царь и царство не просто под титулом, но непременно с слово-титлом, в память древнего происхождения царь от цесарь». Автор считает, что именно с этого старейшего списка и были списаны все известные до сих пор варианты, в том числе и включенные в летописи. Они могут быть разделены на две группы. К первой принадлежат списки, но без включения видения Даниила и послесловия: во второй редакции, где «Повесть» подверглась некоторой перделке, выполненной каким-то книжником в том же XVI в., исправлены даты основания Константинополя и вставлена новая часть с перечислением византийских императоров.

Архимандрит Леонид считает, что открытый им вариант «Повести» можно смело поставить наравне с сочинением греческого автора Франдзи — активного участника событий 1453 г. Однако явное преимущество он отдает Нестору Искандеру, который лучше греческого автора знал то, что делалось у турок, и не хуже Франдзи мог ознакомиться из первых рук, от очевидцев, с тем, что происходило в Константинополе в дни осады, а самое главное — Нестор Искандер, как единовременный грекам христианин, мог написать «с большим беспристрастием и сочувствием».

Пытаясь объяснить, почему во всех известных доселе списках «Повести о Царьграде» выпущено послесловие с именем Нестора Искандера, Леонид выдвинул положение, согласно которому это сделано было сознательно, для того чтобы «не уменьшить и не ослабить влияния «Повести» на народное чувство известием, что она написана «потурченцем» (хотя и невольным), который по смирению называет себя «беззаконным»¹. Это послесловие совсем исчезло после того, как была выполнена вторая редакция, заменившая собою первоначальную и вовсе вытеснившая ее из обихода в XVII в.

Разумеется, такое объяснение можно считать лишь гипотезой автора, и притом довольно слабой.

Признавая большое значение для науки нового варианта «Повести» (с послесловием Нестора Искандера), открытого Леонидом, приходится отметить, что как до нового открытия, так и после него историки не ставили перед собою задачу исследовать содержание «Повести» с целью выявления возможных в ней наслоений и дополнений. И. И. Срезневский только пришел к выводу о двух составных частях «Повести»: сказании о возникновении Константинополя и о взятии его турками. На самом же деле в этой «Повести» чисто механическим путем объединены разные сказания: они органически не связаны между собою и не могут быть приписаны одному Нестору Искандеру. Ему безусловно принадлежит хроника осады Константинополя турками, ему же принадлежат некоторые сведения о положении в осажденном городе и, конечно, описание борьбы греков

¹ «Повесть о Царьграде» (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера. СПб., стр. VI.

с турками, ворвавшимися 29 мая 1453 г. в самый город. Все остальные части «Повести», начиная с первой, посвященной истории основания Константинополя, равно как и встречающееся в некоторых вариантах перечисление византийских императоров, наконец, молитвы, произносившиеся греками в дни осады, рассказы о видениях, равно как и предсказание о судьбе Константинополя, приведенные в конце «Повести», и многие другие вставки, конечно, ничего общего с первоначальным содержанием «Повести» Нестора Искандера не имеют.

Включенная в «Повесть» легенда о змее, якобы появившемся на месте будущего Константинополя и вступившем в борьбу с орлом, которая окончилась победой змея, должна олицетворять предсказание о победе мусульманства над христианством (турок над греками). Как эта легенда, так и предсказание в конце «Повести» о том, что «русии же род (русский народ) измаилита (мусульман) победит и Седмохолмого (название Константинополя) примут с прежде законными его, и в нем воцарятся», могли возникнуть только спустя какое-то время после взятия турками Константинополя, следовательно, их автором не мог быть Нестор Искандер. Рассказ об основании Константинополя (о создании Константинополяграда), включенный в «Повесть» Нестора Искандера, встречается в «Эллинском летописце» второй редакции, где широко использована хроника греческого хрониста Георгия Амартола.

Игнорирование этого нового источника наблюдается и в работе А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.», опубликованной в 1903 г.

А. И. Соболевский реагировал на опубликование нового варианта «Повести о Царьграде» Нестора Искандера таким замечанием: «В 1453 году турки овладели Константинополем. Русская колония этого города была невольной свидетельницей их торжества, и двое из ее уцелевших членов, возвратясь на родину, составили трогательное повествование о горестном событии»¹. В примечании к этой фразе сказано: «Первое находится в общеизвестной повести о Царьграде: в одном из списков приписывается якобы гурецкому солдату Нестору Искандеру (фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде); второе в Толстовском хронографе (издано Андреем Поповым в «Изборнике»)».

Не вдаваясь в подробный разбор этого комментария, можно лишь отметить, что академик Соболевский очень плохо ознакомился с содержанием «Повести» Нестора Искандера и «Повести» Толстовского хронографа, а также с характеристикой этой последней, сделанной Андреем Поповым. Без всякого критического анализа, не приводя никаких доказательств, А. И. Соболевский голословно отрицает правдивость «послесловия» к «Повести» Нестора Искандера; если бы А. И. Соболевский тщательно изучил содержание этого памятника, он не заявил бы, что ее автор принадлежал к русской колонии Константинополя, а фактические данные «Повести» якобы свидетельствуют, что Нестор Искандер в дни осады находился в этом городе. О Несторе Искандере А. И. Соболевский пишет, что он был «якобы турецким солдатом». Еще более странным представляется отношение А. И. Соболевского к «Повести» Толстовского хронографа, о которой, как уже было упомянуто выше, Андрей Попов еще в 1869 г. писал, что она греческого, а не русского происхождения.

¹ Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 74. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы академика А. И. Соболевского. СПб., 1903, стр. 13.

А. И. Соболевский не привел никаких данных, чтобы опровергнуть это заключение.

Идя таким путем, нетрудно освободить «Повесть» от позднейших наслоений.

Однако в буржуазной историографии так и не появилось почти ни одного фундаментального труда, посвященного научному изучению этого нового варианта «Повести» Нестора Искандера¹.

Среди советских исследователей изучением исторической «Повести» Нестора Искандера занимается Г. П. Бельченко, написавший в 1934 г. небольшую, но содержательную работу «К вопросу о составе исторической Повести о взятии Царьграда»². Автор не только подвергнул разбору содержание памятника, но и пришел к выводу, что «Повесть» имеет два источника — турецкий и греческий. На первое место Бельченко выдвигает турецкий источник (на том основании, что он изобилует историческими деталями). Что касается греческого источника, то это те сведения, которые Нестор Искандер собрал, войдя в Константинополь, от «достоверных и великих мужей». К греческим источникам «Повести» Бельченко относит все, что в ней сказано о положении греков и их борьбе против турок. Бельченко пришел к выводу, что «Повесть» содержит оригинал в виде краткого повествования о событиях 1453 г., проникнутый христианской идеей, и дополнения, в том числе переделку «Повести» каким-то книжником. В том виде, в каком она дошла до нас, эта «Повесть», по выводу Бельченко, уже

¹ Можно отметить две работы на эту тему: рецензию Г. Дестуниса под названием «Новоизданный список повести о Царьграде» (ЖМНП, СПб., 1887, февраль, стр. 366) и статью П. Погодина «Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году» (ЖМНП, 1889, август, стр. 117). Г. Дестунис сделал попытку установить, на основе разбора содержания «Повести», происхождение ее автора: он пришел к выводу, что хотя в «Повести» и встречаются «грецизмы», но все же скорее можно сделать заключение о русском, а не о греческом происхождении автора. П. Погодин, рассматривая славянские источники о падении Византии, на первом месте разбирает «Повесть» Нестора Искандера, отмечая, что она помещена в летописях, в труде Лызлова и в труде Михайлова, изданном в Москве в 1817 г. и являющемся переизданием «Истории о последнем разорении святого града Иерусалима и о взятии Константинополя столичного града греческой монархии». Здесь же разбирается и рецензия Г. Дестуниса, причем Погодин присоединяется к его выводу о русском происхождении Нестора Искандера и приводит новые доказательства в пользу этого довода. Главным камнем преткновения для исследователей, по Погодину, является путаная хронология событий в «Повести». По Нестору Искандеру, срок осады Константинополя определяется не в 59 дней, как у греческих авторов, а в пять месяцев. Погодин делает попытку разобраться в датах событий, связанных с осадой Константинополя, и высказывает неудовлетворение работой, проделанной в этом направлении Срезневским. Свои коррективы Погодин вносит по дневнику Барбаро, который Срезневскому не известен. Хотя главные события у Нестора Искандера, как утверждает Погодин, датированы приблизительно правильно, но все же шаткость и непрочность хронологии Нестора Искандера ослабляет ценность сказания как исторического источника. Погодин пишет: «В отдельности верно почти каждое показание Искандера (Искандера. — Н. С.), но только без отношения ко времени» (?).

Разумеется, вопрос о точной датировке отдельных событий осады имеет существенное значение, но вряд ли можно требовать от Нестора Искандера и его произведения, не являющегося официальной хроникой, скрупулезной пунктуальности в датах, особенно если принять во внимание, что его рукопись прошла через множество рук переписчиков и редакторов, на которых, естественно, лежит какая-то доля ответственности за точность изложения.

К недостаткам интересных работ Дестуниса и Погодина следует, прежде всего, отнести тот факт, что они оба приписывают Нестору Искандеру всю «Повесть» в том виде, в каком она известна нам, в то время как она составлена из нескольких частей, причем еще И. И. Срезневский выделил первую часть о возникновении Константинополя, автором которой, как доказано, является Георгий Амартол.

² См. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.

проникнута другой идеей — политической. Политическая цель достигается, по Бельченко, включением в памятник особого повествования о создании Византии, восторженным тоном, в котором говорится о былом величии и славе Константинополя, и скорбным — там, где речь идет о его уничтожении, наконец, выражением надежды на то, что после временного испытания христианство одолеет «бесерменство». Все эти дополнения, введение которых преследовало, по мысли автора, политические цели, и были облечены, как доказывает Бельченко, в форму видений и апокрифических предсказаний.

Своей разработкой вопроса о содержании «Повести о взятии Царьграда» Бельченко сделал новый и безусловно правильный шаг, выделив в этой исторической «Повести» краткую часть о взятии Царьграда, состоящую из дневника, или журнала, Нестора Искандера и собранных им же рассказов защитников города. По мнению Бельченко, «Повесть» в том виде, в котором она дошла до нас, содержит следы оригинала Нестора Искандера и позднейшие наслоения. При этом Бельченко, видимо, считает, что все наслоения выполнены одновременно каким-то книжником, переделавшим «Повесть» под определенным религиозно-политическим углом зрения путем прибавления особого начала о создании Константинополя (на основе Хроники Георгия Амартола), расширения исторической части вставками церковного характера (молитвы, знамения) и включением пророческих предсказаний о грядущих судьбах Царьграда, помещенных в заключительной части. В итоге Бельченко приходит к выводу, что «Повесть о Царьграде» состоит из двух основных частей: а) Повести о создании Царьграда (по Хронике Георгия Амартола), сказания о борьбе орла со змеем, и б) «Повести о взятии Царьграда», состоящей из переделанной краткой исторической «Повести» Нестора Искандера, с внесенными в нее изменениями и дополнениями (религиозно-политическое «размышление» автора о судьбах Византии, составленные в стиле апокрифических предсказаний)¹.

С таким методом расчленения текста исторической «Повести», в основу которого положено деление, предложенное И. И. Срезневским, можно согласиться, хотя признать его окончательным, конечно, нельзя. При более глубоком сравнительном изучении этой «Повести» и критическом рассмотрении ее содержания можно будет довольно точно указать на места, вставленные из греческих источников, так же как и на дополнения, сделанные русским составителем и переписчиками. Вписанные в текст молитвы, читанные греками в дни осады Константинополя, и многие подробности, связанные с деятельностью во время осады императора Константина, патриарха и генуэзского военачальника Джустиниани, безусловно заимствованы у греческих авторов. Что касается апокрифических сказаний, то они взяты в готовом виде из различных книг церковного содержания и вставлены в «Повесть» при ее переработке. Бесспорно только то, что данная историческая «Повесть», будь то вариант, включенный в Воскресенскую и другие летописи, в том числе и «Царственный летописец»², будь то более полный вариант, открытый Леонидом, — имеет один и тот же основной костяк в виде «Повести» Нестора Искандера об осаде и взятии турками Константинополя. Можно предполагать, что этот главный сюжет «Повести» и обратил на себя внимание составителей русских летописей и хронографов XVI—XVII вв., был ими признан настолько важным и интересным, что послужил базой для дальнейшей переделки путем включения

¹ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, изд. АН СССР. Л., 1934. Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической «Повести о взятии Царьграда», стр. 513.

² «Царственный летописец», изд. 1772 г., стр. 306—358.

в него различных легенд, сказаний, всяких вставок и дополнений. Таков был в то время наиболее распространенный метод литературной обработки исторических повестей, включавшихся в русские летописи или особые сборники (хронографы). Этот «метод» допускал произвольное искажение подлинника. Составители, а иногда и переписчики, не только дополняли текст, но и допускали полное или частичное объединение двух различных произведений. Примером может служить Никоновская летопись, где вслед за «Повестью о падении Царьграда» и без всякого заголовка идет обширный текст о намерении султана Мухаммеда (Магомета) съезд христианские книги и рассказ о том, какими мерами этот султан ввел в своем царстве «правду», установил оброки, суды, наместничества и пр., т. е. здесь, таким образом, помещено известное сказание Ивана Пересветова «О царе турецком Магомете, како хотел сожечи книги греческие», приведенное в русском хронографе второй редакции.

При таком методе обработки текста, включенного в летописи и хронографы, естественно, не было принято указывать имя автора какой-нибудь составной части этого сводного произведения. Быть может, этим фактом, а не доводом, приведенным архимандритом Леонидом (нежелание уменьшить или ослабить влияние «Повести» на народное чувство известно, что она написана «беззаконным», да еще «потурченцем»), следует объяснить, почему имя Нестора Искандера, равно как и его «послесловие», исчезло из списков «Повести», включенных в летописи и хронографы. Однако, когда эта «Повесть» выступает как отдельное самостоятельное произведение, в ее тексте сохранено послесловие с именем автора. Такой единственный текст, относящийся к XVI в., и был открыт архимандритом Леонидом.

Теперь остается установить, когда и где был подвергнут переработке основной текст исторической «Повести» Нестора Искандера и когда новый объединенный текст мог получить распространение.

Так как самый ранний из известных нам переделанных текстов «Повести» Нестора Искандера относится к началу XVI в., можно предполагать, что это и было временем появления в России оригинала, т. е. собственно текста, принадлежащего Нестору Искандеру. Быть может, в своем первоначальном виде этот текст или первые списки с него, относящиеся к XV в., навсегда утрачены; можно даже высказать ничем пока не подтвержденное предположение, что «Повесть» Нестора Искандера появилась в России только в самом конце XV или же в начале XVI в.

Этот вопрос будет разрешен только после тщательного анализа отдельных частей «Повести», и особенно тех ее мест, в которых описываются события, происходившие в дни осады в самом Константинополе.

Исследователь должен будет обратить внимание на то, что в дошедшем до нас тексте «Повести» часто встречаются имена и географические названия, редко упоминаемые в русских текстах. Сюда можно отнести имена Мефодия Патарамского и Льва Премудрого, на пророчество которых в «Повести» имеется ссылка, великого Филиппа (восстание его в «видении» Даниила), Вовуса, Скеролафа, Стафорина и др. Название Константинополя «Седмохолмый», известное по надписи на гробнице Константина Великого, обычно не употреблялось в России. Даже вставка о грядущей победе «русин рода» и его утверждении в Седмохолмом не могла появиться на русской почве, а принесена вместе с навязанной русскому народу и чуждой ему идеей о Москве, как наследнице Византии, как третьем Риме.

Важным обстоятельством при разрешении вопроса о времени появления исторической «Повести» Нестора Искандера служит то, что ни в одном из известных списков русского хронографа первой редакции, пересмотр

которого (а не составление. — Н. С.), по данным А. Попова, относится к 1512 г.¹, еще не встречается произведение Нестора Искандера о взятии Царьграда. Выше указывалось, что вместо этой «Повести» там, в главе 208, приведено рассуждение русского автора о падении Византии без всякого исторического рассказа об этом событии. Из этого можно сделать вывод, что в 1512 г. «Повесть» Нестора Искандера еще не была известна в России или, во всяком случае, не имела распространения. Ее нет в древнейшем из дошедших до нас списков хронографа 1536 г., хотя А. С. Орлов отмечает ее в хронографе Пахомия Логофета 1533 г.²

В то же время во второй редакции русского хронографа, относимой обычно к 1617 г., и в третьей редакции, возникшей позднее 1620 г., помещена, — правда, в сокращенном виде, — «Повесть о взятии Царьграда от безбожного Магомета, Амуратова сына». Из этого можно сделать вывод, что текст исторического повествования, в основе которого лежит «Повесть» Нестора Искандера, приобрел в России известность не раньше второй половины XVI—начала XVII в.: именно с этого момента он вытесняет все известные до того времени сказания русских хронографов.

Подводя итоги работы, проделанной исследователями над изучением текста «Повести» об осаде и взятии турками Константинополя, следует признать, что эта работа далеко еще не завершена. В некоторых своих частях она настолько устарела, что потеряла всякое значение. Это, прежде всего, относится к труду И. И. Срезневского, который восстановил содержание «Повести» на основе сопоставления имевшихся в его распоряжении списков. После опубликования списка «Повести», относящегося к началу XVI в. и являющегося самым древним, самым полным, имеющим «последствие» с именем автора — Нестора Искандера, труд Срезневского, естественно, утратил свое научное значение. В то же время его исторические и филологические примечания и комментарии сохраняют историческую ценность и облегчают понимание отдельных слов и выражений «Повести».

Теперь перед исследователем стоит новая задача: путем всестороннего анализа текста «Повести» начала XVI в. выделить то, что принадлежит Нестору Искандеру. На этот путь уже встал Г. П. Бельченко. Однако он ограничился только суммарной разбивкой материала на две основные группы, или, как он говорит, на два источника, относящихся к турецкому лагерю и к защитникам города и их героической борьбе.

В позднейших работах, где обращено внимание на «Повесть» Нестора Искандера, в первую очередь, в труде А. С. Орлова³ и в вышедшей при его непосредственном участии в 1946 г. «Истории русской литературы»⁴, в сущности, ничего нового в смысле дальнейшей разработки данной темы не дано.

Так, А. С. Орлов считает, что «Повесть» написана Нестором Искандером в таком виде, в каком она известна по редакции XVI в., и дает ей такую, явно тенденциозную, субъективистскую характеристику: «Это — грекофильское по тексту «сочинение», автор которого действовал знаменьями, анекдотами, картинностью и лиризмом, мало входя в сущность событий, в историческое их значение»⁵. В «Истории русской литературы» указано, что литературная обработка «Повести» Нестора Искандера выполнена русским автором тогда, когда складывалось представление о Москве как преемнице Царьграда; в духе этой новой идеи материал Нестора

¹ Обзор хронографов русской редакции Андрея Попова, вып. 2. М., 1869, стр. 22.

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. Л., 1937.

³ Там же.

⁴ История русской литературы, т. II, ч. 1. М., 1946.

⁵ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв., стр. 275.

Искандера якобы и был дополнен и переработан на основе литературных источников, в частности перевода латинской Троянской истории Гвидо де Колумна.

Следует отметить, что авторы названных выше трудов находятся под влиянием буржуазной историографии и главное внимание уделяют не изучению материала, принадлежащего Нестору Искандеру, а выяснению происхождения вставок и дополнений, выполненных составителем литературно-обработанной редакции «Повести» списка начала XVI в. Очевидная недооценка роли Нестора Искандера как автора основного ядра «Повести» видна хотя бы из вывода, что автор новой переработки якобы «расширил и богато иллюстрировал воинские картины Искандера». Основываясь на том, что в «Повести» встречаются некоторые общие слова или «старые формулы воинских повестей», как то: «град обступил со мною силою», или «стрелы помрачиша свет» и др., — делается категорический вывод, что картины приступов на Царьград представляют «искусную компановку»¹. Попытку оттеснить Нестора Искандера на задний план и тем самым умалить большую общественно-политическую роль его «Повести», ограничив ее значение лишь пропагандой теории «Москвы — третьего Рима» и образов «воинской стилистики», нашедших отражение в повестях XVI в., — нельзя признать научно обоснованной.

II

Научный анализ текста исторической «Повести» начала XVI в. о Царьграде, его основании и взятии турками может быть выполнен только путем расчленения его на отдельные части и выделения, прежде всего, того, что было написано Нестором Искандером и что никак не может ему принадлежать.

Особый интерес в этой «Повести» вызывают все места, относящиеся к боевым действиям турецких войск: по всем признакам, они написаны самим Нестором Искандером.

Какой бы маленький пост Нестор Искандер ни занимал в турецком войске, все же положение в турецком лагере он должен был знать лучше, чем в греческом. Картину боя и отдельные эпизоды осады он передает с изумительными подробностями, доступными только очевидцу. Он знает имена турецких военачальников, командовавших левым и правым крылом, много говорит о трудностях, испытывавшихся турками во время осады, и хорошо описывает неудачи турок. Обо всем, что происходило вне поля его зрения, особенно о действиях турецкого флота и войск, проводивших операции со стороны Золотого Рога, он не мог знать, и об этом, естественно, сообщает коротко и не всегда точно.

Даже беглое сопоставление позволяет предположить, что материал, относящийся к грекам и собранный Нестором Искандером, по его собственным словам, на месте, после взятия турками Константинополя, был значительно кем-то дополнен и подвергнут обработке.

Рассматривая «Повесть» в целом как важнейший русский памятник, насыщенный богатым историческим материалом, о событиях, связанных с осадой и взятием турками Константинополя в 1453 г., остановимся только на разборе одной части этого памятника — на описании военных действий турок под стенами Константинополя. Это место безусловно представляет собой основное и самое важное в «Повести» Нестора

¹ История русской литературы, т. II, стр. 223.

Искандера, хотя, разумеется, и все остальное ее содержание имеет весьма большую ценность.

Описание военных действий турок под стенами Константинополя в 1453 г., сделанное Нестором Искандером — участником осады, находившимся в лагере осаждавших, является единственным в своем роде историческим источником. То, что можно найти у турецких авторов, в частности у историографа Мехмеда II Саадэддина, известного под именем Хаджи-эфенди (он жил сто лет спустя после взятия турками Константинополя, умер в 1597 г.), в его труде «Тай-ут-теварих» («Венец летописей»), во многом уступает свидетельству очевидца — Нестора Искандера.

Подходя к «Повести» Нестора Искандера, как к источнику, содержащему наиболее полное, точное и правдивое описание боевых действий турецких войск, осаждавших и взявших штурмом Константинополь, мы, прежде всего, должны заметить, что это описание сделано военным человеком, который провел много времени в «ратных хождениях», но не военным писателем и не историком. Нестор Искандер дает строго хронологическое описание военных действий турок, происходивших у него на глазах. Вот почему его «Повесть» с одинаковым успехом может называться дневником, или хроникой, осады Константинополя с 26 марта по 29 мая 1453 г.

Наиболее правильным способом для изучения «Повести» по древнейшему списку начала XVI в. и выделения всех мест, относящихся к туркам и их военным действиям во время осады Константинополя, было бы новое издание полного текста этой «Повести» с анализом ее отдельных частей. Однако, исходя из целей настоящей статьи, достаточно ограничиться выделением и изложением на современном русском языке только основных мест «Повести», которые относятся к операциям турецких войск.

Заранее надо оговориться, что при переложении текста XVI в. на современный русский язык теряется специфика словарного состава русского языка того времени, исчезают особенности структуры речи и некоторые качественные особенности старинного письма. Но при всех этих недостатках описание исторических событий может быть передано с достаточной точностью, что обеспечит правильное общее представление о той части «Повести», которая является для исследователя, как уже было указано, наиболее интересной.

Выбранные из текста «Повести» места о военных действиях турок под стенами Константинополя, будучи объединены одно с другим — с соблюдением, конечно, порядка, в котором они следуют в «Повести» и с сохранением особенностей стиля, — ближе всего могут соответствовать подневной записи, или дневнику, Нестора Искандера. Этот дневник будет иметь, примерно, следующий вид.

«Турок безбожный Магумет султан (султан Мехмед II. — Н. С.), Амуратов сын, находясь в мире с цесарем Константином, подошел внезапно с большой силой к городу (Константинополю. — Н. С.). Отослав императорских посланников, пожелавших вступить с ним в мирные переговоры, султан приказал бить по городу из пушек и пищалей и «иные стенобитные хитрости наряжати» и готовиться к штурму города. Вначале греки выходили из города биться с турками и препятствовали им готовить приспособления для разрушения стен, но император отдал приказ из города не выезжать, а отражать нападение только со стен, для чего на стенах были установлены пушки и пищали. В течение тринадцати дней¹ турки вели

¹ С 26 марта по 8 апреля 1453 г. Здесь и в дальнейшем даты даны по И. И. Срез-

днем и ночью непрерывный обстрел города. На 14-й день¹, сотворив молитву, турки заиграли в зурны, варганы и накры (бубны), подкатили пушки и пищали ближе к городу и усилили обстрел, в том числе из ружей и «из луков тмочисленных». После такой подготовки турки с неистовым криком бросились со всех сторон на приступ, кто с огнем, кто с лестницей, кто с «стенобитными хитростями». В свою очередь, оборонявшиеся с криком вступили с ними в борьбу. Услышав колокольный звон, призывавший жителей на подмогу, турки начали трубить в зурны и трубы и бить в «тумбань» (барабан. — *Н. С.*); началась «сеча великая и преужасная». От шума стрелявших пушек и пищалей, от колокольного звона и крика дравшихся людей, от трескотни ружей, молний, вспыхивающих от оружия, от плача и рыдания городских жителей, жен и детей казалось, что небо и земля соединились и поколебались. Нельзя было слышать друг друга: вопли, крики, плач и рыдания людей соединились с шумом битвы и колокольным звоном в единый звук, похожий на сильный гром. От множества огней и стрельбы из пушек и пищалей сгустившийся дым покрыл город и войска; люди не могли видеть друг друга; многие задохлись от порохового дыма. Только с наступлением ночи турки отошли, позабыв забрать трупы убитых своих воинов.

В то время как греки надеялись на полное отступление турок, султан на второй же день после битвы (10 апреля. — *Н. С.*) отправил своих людей собрать трупы и сжечь их, чему греки не препятствовали вовсе. На седьмой день после неудачного штурма (15 апреля. — *Н. С.*) султан принял новый обстрел города, усилив свою артиллерию.

На тридцатый день после первого обстрела (23 апреля. — *Н. С.*) турки подкатили к городу свои пушки и пищали, в том числе две громадные пушки (у одной из них ядра были величиною до колена, а у другой до пояса), и приступили к общему обстрелу, направляя главный огонь против менее защищенного участка стены. Обороной этого участка руководил храбрый генуэзец Зустоней (Джустиниани. — *Н. С.*). От выстрела большой пушки заколебалась стена, а от удара другой была сбита верхняя ее часть в пять саженей. Из-за наступившей ночи третьего выстрела из большой пушки не было. Ночью оборонявшиеся сумели заделать повреждения, но с утра следующего дня огонь из большой пушки возобновился по поврежденному месту. Однако ядро пролетело выше стены и сшибло только семь зубцов. Зустоней (Джустиниани) навел свою пушку на большую турецкую пушку и метким выстрелом разбил казенную ее часть. Увидя гибель огромной пушки, султан рассердился и объявил, что отдает город на разграбление. Это послужило сигналом к новому приступу не только со стороны суши, но и с моря. Трупы падали с обеих сторон, как снопы; кровь ручьями лилась по стенам; от вопля и крика людей, от плача и рыдания горожан, от колокольного звона, шума и блеска оружия, казалось, весь город перевернулся; рвы наполнились трупами, и турки ходили по ним, как по ступеням; мертвые служили им мостом и лестницами. Ручьи и водоемы вокруг города наполнились трупами и кровью, вследствие чего Галатская гавань, или Ильмень, стала кровавой. Рвы наполнились кровью, и если бы не конец дня, городу пришла бы погибель².

Султан вначале не хотел убирать турецкие трупы, намереваясь метать их в город с тем, чтобы отравить там воздух; однако, узнав о громадных размерах города, приказал забрать все трупы и сжечь.

¹ 8 апреля.

² В «Повести» говорится, что, по подсчетам греков, было убито: греков, фраггов, армян и других пришлых людей 5700 человек; потери турок они определили в 35 тыс. человек. Цифра турецких потерь явно преувеличена.

Спустя девять дней (3 мая. — Н. С.) турки вновь начали обстрел города; по приказу султана была исправлена поврежденная большая пушка. Скрепленная обручами, она была подвезена к городу, но от первого же выстрела разлетелась. Султан приказал готовиться к штурму, для чего заранее были изготовлены и привезены «туры», установленные по краю рва, вырытого под стенами города. Турки хотели засыпать этот ров землею и забросать его деревьями и хворостом, чтобы можно было подкатить «туры» непосредственно к стенам. Предвидя это, греки взорвали сосуды с порохом, заранее закопанные как раз там, где стояли «туры». От страшного шума и треска горожане убежали со стен, а турки — от города; сверху начали падать на город и на турок поднятые на воздух люди и куски дерева. Когда греки вновь появились на стенах, они увидели во рву множество турок и забросали их бочками со смолою. Турки опять отступили от города. Султан несколько дней совещался о том, что предпринять; однако прибывшим для переговоров о прекращении войны грекам он предложил такие условия (сдать город, а императору удалиться в Морею), которые не были приняты.

9 мая громадная пушка были вновь починена; по приказу султана в течение трех дней продолжалась стрельба с целью разрушения городских стен; но греки умудрялись по ночам заделывать повреждения. Наконец, как-то утром туркам удалось сделать в стене большую брешь, через которую они и ворвались в город. Ими командовал санджак-бей, по имени Омар-бей, погибший тут же в поединке с Рахкавеем. Битва кончилась с наступлением ночи, хотя турки в течение всей ночи били из пушек по брешу, препятствуя восстановительным работам.

Поставив против брешу свои пушки, греки утром заманили сюда турок и многих истребили. Тогда в дело вступил восточный санджак-бей Мустафа, который со свежими силами обрушился на греков, оттеснив их в город. За ними ворвались турки, не только пешие, но и конные. Защитники города дрались с ними «как дикие звери». К вечеру турки опять отступили¹.

После этой вторичной неудачи султан собрал совещание санджак-беев, на котором предложил новый метод борьбы: вместо того чтобы направлять все свои силы против одного места, начать приступ сразу с разных сторон, что вынудит защитников разделить свои силы. В течение некоторого времени в турецком лагере изготовливались лестницы и туры, а артиллерия продолжала обстрел, не давая отдыха гарнизону города.

«Окаанный Магумет» (султан Мехмед II. — Н. С.) разделил свои войска для нового приступа. Карач-бей был поставлен против императорских палат, Деревянных ворот и Калисарии; восточный бейлер-бей — против Пигии и Золотых ворот (Златого места), а западный — против Харсийских ворот. Сам султан находился против ворот Романа и разрушенного места в стене. Командирам флота — Балта-оглы и Заган-паше было приказано действовать со стороны моря, чтобы, окружив город, в одно время, в один час, ударить с суши и с моря. Распорядившись таким образом, султан 26 мая приказал прочитать молитву, после чего все войско бросилось на штурм: «прикативши пушки, и пищаля, и туры, и лестницы, и грады деревянные, и ины козни стенобитные, им же не бе числа». Морские корабли и каторги были придвинуты к берегу, и турки начали бить по городу со всех сторон, наводя мосты через рвы и при помощи тур и лестниц «тмочисленных», стремясь силою взобраться на стены. Они были встречены храбрыми греками, которые «сечахуся с ними крепко».

¹ Это было 7 мая. По подсчетам греков, они выбросили из города и за рвы «на показание безбожному» до 16 тыс. турецких трупов, которые турки забрали и сожгли.

Турецкие начальники и «нарадчики» (артиллеристы. — Н. С.) понуждали простых воинов-турок наступать, били их и кричали на них. В это время «заиграли во все игры и тумбаны и среди страшного шума, похожего на сильную бурю, появился «Магумет (султан Мехмед. — Н. С.) окаанный», намереваясь внезапно овладеть городом. Но греки, пришедшие на помощь Зустонею (Джустиниани), бились с турками крепко, «и бысть пагуба веляя гражаном». Император и вельможи, плача и рыдая, скакали по городу, упрасывая знать (боляр), военачальников (стратигов), воинов и весь народ не терять надежду на успех, стоять крепко и уповать на помощь бога. Собранные на стенах люди мужественно дрались с турками; началась великая сеча, так что страшно и жестоко было видеть дерзость и мужество, проявляемое с обеих сторон».

Вслед за рассказом о подвиге императора Константина, воодушевлявшего своею храбростью греков и возбуждавшего своим примером гарнизон, отогнавший турок за рвы, в «Повести» говорится, что «Магумет (султан) стоял крепко и приказывал бегущих турок побоями возвращать обратно». И была сеча «премрачна», так как стрелы помрачили свет. Греки лили со стен горячую смолу и метали зажженные куски смолы. Наступила ночь, а бой все не прекращался. Турки зажгли огни, и султан появлялся во всех местах, ободряя турок, надеясь «пожрети град». Однако греки мужественно отразили все приступы турок; бой продолжался до полуночи; на этот раз турки не отступили от городских стен, охраняя свои осадные деревянные городки. Утром 27 мая греки попытались поджечь турецкие осадные приспособления, но турки не допустили их, открыв стрельбу из луков и пищалей.

В 9 часов того же 27 мая султан приказал бить по стене, рядом с разрушенным местом (проломом) из многих пушек и пищалей, и наведя большую пушку, с трех выстрелов разрушил башню, поставленную греками против пролома. Так прошел день. Ночью Зустоней (Джустиниани) сделал попытку восстановить башню, но был легко ранен осколком пушечного ядра. Утром завязалась новая битва у пролома, «и падоша множество людей от обеих стран». Воспользовавшись замешательством греков, вызванным вторичным ранением Джустиниани, турки вновь ринулись вперед и загнали гарнизон в город. «И потопташа гражан и вогнали их в град, бия и сеча их». На этот раз положение спас император, кинувшийся в бой со своими приближенными. Турки вынуждены были отступить.

Султан, видя поражение своих войск, собрал ночью большой совет, на котором был поставлен вопрос об отступлении, так как опасались прибытия кораблей на помощь осажденному городу. Наступившая внезапно к семи часам вечера темнота, ступившаяся над городом, была истолкована созванными книжниками как предзнаменование гибели города. Султан тут же приказал готовиться к новому штурму. Вновь были двинуты вперед «пушки, и пищали, и за ними все войско». Подойдя к пролomu, турки начали бить в эту брешь, отгнав горожан; затем засыпали рвы и двинули конные полки, ворвавшиеся в город. Разгорелась жестокая битва, и люди, «сечахуса тяжким и зверообразным рвением», отогнали турок к самому пролomu. В это время подоспел восточный беглер-бей и вновь потеснил греков. Далее вставлен рассказ о поединке этого беглер-бея с императором, окончившийся гибелью турецкого военачальника. Этот поединок будто бы ободрил греков, и они стали насадать на турок, но подоспел с войском другой турецкий военачальник Карач-бей-баша (паша) и, ворвавшись в пределы города, «прогна императора и всех гражан».

Услышав о гибели восточного беглер-бея, султан был очень опечален, так как любил его за мужество и ум. Он сам, со своими приближенными,

бросился к месту боя, приказав пустить в дело все пушки и пищади, видимо, опасаясь, как бы греки не вышли из города и не напали на него. Достигнув пролома, султан приказал пушечным огнем отогнать горожан и направил туда Балтаулия-башу (Балта-пашу) со многими полками, выделив особо три тысячи лучших воинов, для того чтобы взять императора в плен или же убить его. Балтаулий опрокинул греков и ворвался со своими полками в город, «и бысть сеча крепчайшая всех прежних». Султан направил в город все свои войска, оставшись только с янычарами, которые укрепились обозом, приготовив пушки и пищади, так как все еще боялись вылазки греков.

А император в это время сражался у Золотых ворот, где и погиб. Это произошло 29 мая. [Смерть императора Константина представлена в «Повести» как героический подвиг «за церкви божие и за православную веру», причем уцелевшие греки якобы рассказывали, что он убил своею рукою более 600 турок (?). Заканчивается этот рассказ о гибели императора словами: «И збысться реченное: Константином создася и паки Константином и скончася».]

«Народ, находившийся на улицах и во дворах, не желая покориться туркам, продолжал борьбу; погибло в этот день много людей, в том числе женщин и детей; большое количество было взято в плен. Продолжали сопротивление и воины, засевшие за окнами и в стрельницах и отражавшие турок, как со стороны поля, так и со стороны города. Выбитые из города эти воины укрывались в «пропастях», а ночью вылезали и бились с турками. Некоторые горожане, жены и дети кидали с домов на турок черепицу, кирпичи, зажигали свои дома и бросали горящие балки. Башни (паши. — Н. С.) ужаснулись и, не зная, что предпринять, послали просить самого султана прибыть в город; иначе они не ручались за успех. Султан, якобы приказал поощать по всем улицам, дворам и, особенно, людей, засевших в укрытых бойницах, чтобы прекратили сопротивление, обещая больше никого не убивать и не брать в плен. В противном случае он угрожал поголовным истреблением. Сопротивление прекратилось. Султан приказал очищать город от трупов и в 11-й день (?), расставив по всем улицам своих санджакбеев с войсками «беречи израды» (на случай измены жителей. — Н. С.), вступил через Романовские ворота в город и направился к храму Софии, где его ожидал собранный народ во главе с патриархом».

На этом, по существу, и заканчивается изложение исторических событий, непосредственно связанных с военными действиями турок и взятием ими Константинополя.

Хотя приведенное описание боевых действий турецких войск не может считаться достаточно полным, картина многократных боев, неудачных приступов и штурмов, равно как отдельные эпизоды боевой обстановки, а также впечатление, произведенное артиллерийской стрельбой, метанием ядер и стрел, криками людей, звуками походных труб и барабанов, смешавшимися с колокольным звоном константинопольских церквей, — вся эта симфония боя могла быть передана только очевидцем и участником. В этом не может быть никакого сомнения.

Цифровые данные, приводимые в «Повести» (258 тыс. турок, из которых, по подсчетам греков, было в разное время убито чуть ли не 69 тыс., не считая потерь в последние, решающие дни штурма), представляются преувеличенными. Однако можно отметить, что и потери осажденных (без последних боев) — 8100 человек — были довольно значительны.

Греческие писатели Франдзи и Дука во многом дополняют картину падения Константинополя, нарисованную Нестором Искандером. Но все,

что они пишут, относится главным образом к защитникам Константинополя и тяжелым условиям их борьбы: последние определялись не только чисто военными трудностями; они были связаны и с внутривосточной обстановкой, сильно обострившейся вследствие вражды между сторонниками унии, возглавляемыми кардиналом и посланцем папы — Исидором (греком по происхождению, бывшим одно время митрополитом в Киеве и бежавшим оттуда. — Н. С.), и ее яростными противниками. Как указывает К. Маркс, «*присутствие пурпуровой мантии в городе как раз в то время, когда турки ежедневно штурмовали город, вызвало там раскол*»¹.

При анализе текста «Повести» нельзя не обратить внимание на одно любопытное обстоятельство, а именно на то, что Нестор Искандер упоминает о морской операции турок по переброске флота в Золотой Рог, которая, по свидетельству греческих авторов, решила исход борьбы за город. Находясь на другом участке турецкого фронта, Нестор Искандер, конечно, мог и не знать всех операций, проводившихся турками, особенно морских. Но ведь он сам пишет, что, войдя в город, собрал нужные ему сведения «от достоверных и великих мужей» о том, что творилось в городе в дни осады. Таким образом, рассказывается, что эти «достоверные и великие мужи» ему ничего не рассказали об этом важнейшем, с точки зрения греческих историков (Франдзи, Дуки и др.), эпизоде борьбы турок за Константинополь. Характерно, однако, что в этом отношении изложение Нестора Искандера совпадает с рассказом Хаджи-эфенди (единственное совпадение, встречающееся у обоих авторов при описании военных действий турок под Константинополем): турецкий историограф также обходит молчанием эту морскую операцию². А между тем, вряд ли можно обвинить Хаджи-эфенди в незнании такого важного военного мероприятия, как морская операция турецких судов, переброшенных в Золотой Рог.

По поводу этих противоречий в показаниях, с одной стороны, греческих историков, а с другой, автора «Повести» и Хаджи-эфенди, можно сказать следующее.

Прежде всего, при всем большом значении трудов Франдзи и Дуки, из которых один сам был участником событий 1453 г., а другой писал на основании сведений, полученных от участников борьбы, они не могли воссоздать достаточно полной картины того, что творилось в турецком лагере. Кроме того, приходится считаться с тем, что Франдзи написал свой труд, когда ему было 85 лет. В своем заключении он, обращаясь к читателю, прямо говорит: «Прости мне, читатель, если я что-нибудь опустил: моя старость и болезни не позволили мне тщательно писать»³. С другой стороны, невольно напрашивается мысль о том, что решающий успех турок был достигнут, повидимому, вовсе не морской операцией, а действиями сухопутных войск. Вернее всего предположить, что турецкий флот, хотя и многочисленный, не сумел оказать существенной помощи при осаде Константинополя.

Приведенное в «Повести» описание боевых действий турок позволяет сделать вывод, свидетельствующий отнюдь не в пользу хваленой турецкой армии, мнимые достоинства которой так превозносятся в писаниях современных буржуазно-националистических турецких историков. В самом деле, большая турецкая армия, считавшаяся одной из лучших в Европе, в течение двух с лишним месяцев яростных атак не могла овладеть городом до

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 206.

² М. Стасюлевич (Осада и взятие Византии турками. Отд. оттиск. СПб., 1854, стр. 83) полностью разделяет это мнение греческих авторов.

³ Цит. по М. Стасюлевич. Указ. соч., стр. 6.

тех пор, пока, наконец, не удалось проделать большую брешь в стене, вокруг которой бой продолжался несколько дней и ночей. Несмотря на то, что султан одновременной атакой в нескольких пунктах заставил противника рассредоточить свои и без того незначительные силы, успеха он все же не добился, так как в последний день штурма — 29 мая — весь огонь был направлен на место пролома. Повидимому, дело решила турецкая конница, прорвавшаяся через этот пролом.

Нестор Искандер рисует картину уличных боев, борьбы во дворах, причем указывает на то, что в этих боях, наряду с воинами, принимали участие жители города. Эти партизанские действия, продолжавшиеся днем и ночью, наносили, видимо, туркам чувствительный урон, что и вызвало особое обращение султана к жителям города, с предложением сложить оружие и обещанием никого больше не убивать и не брать в плен. Турки овладели Константинополем с большим трудом. Нестор Искандер свидетельствует, что не раз султаном и его приближенными овладевало отчаяние и желание прекратить осаду. Их многочисленная артиллерия оказалась слишком слабой, чтобы разрушить даже ветхие городские стены во многих местах, а применяемые осадные средства, всевозможные туры, бышни, лестницы и «ины козни стенобитные», повидимому, оказались не в состоянии сыграть решающей роли. Несмотря на наличие огневых средств, основная масса турецких воинов была вооружена луками и стрелами, о чем несколько раз пишет Нестор Искандер.

«Повесть» Нестора Искандера показывает, с каким трудом и напряжением сил и средств (при очевидном превосходстве осаждавших в артиллерии, в составе которой имелись огромные пушки, стрелявшие ядрами величиною до пояса человека) досталась победа туркам.

К. Маркс в «Хронологических выписках» отметил, что «с начала апреля 1453 турецкая осада велась безуспешно и с большими потерями»¹.

Городские стены Константинополя, общей протяженностью примерно в 52 км, были ветхи, а гарнизона (7 тыс. чел.) и населения города, исчисляемого — по сильно преуменьшенным данным — в 20 тыс. человек (быть может, без учета женщин, многочисленных монахов и белого духовенства) было все же недостаточно для активной обороны такой большой крепости.

Небезинтересно, что при рукопашных схватках, которые, по свидетельству Нестора Искандера, происходили довольно часто, в большинстве случаев брали верх защитники города, а не турки, которым приходилось отступать. Даже принимая во внимание идеализацию в «Повести» военных действий греков, все же придется признать несомненное превосходство и высокие боевые качества осажденного гарнизона. Турки здесь, как и во всех своих войнах, брали массой, а не умением: султан не щадил людей, не считался с потерями.

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод, что турецкая армия середины XV в. вовсе не являлась столь могущественной, как это стараются представить современные реакционные турецкие историки.

Если бы осажденному Константинополю была оказана хотя бы небольшая поддержка со стороны западноевропейских государств, что было обещано папой римским, если бы ими была проведена даже диверсия со стороны моря или Балканского полуострова, турки обязательно сняли бы осаду. Конечно, такое предположение можно сделать, исходя лишь из

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, 1939, стр. 207.

чисто военной обстановки и совершенно отвлекаясь от безнадежной для Византии политической ситуации и предательских планов папы, делавшего ставку на победу турок.

Нестор Искандер считает, что Константинополь был взят «попущением Божиим». Следует сказать, что он был взят попущением европейских государств и, прежде всего, папства, жаждавшего подчинения Византии римскому престолу и не отдававшего себе полного отчета в той угрозе, которую несут с собой турецкие завоевания. Судьба Константинополя еще раз подтверждает известное положение классиков марксизма о том, что вопросы военные не отделяемы от вопросов политических и экономических. Кроме того, большую роль в данном случае сыграло стремление к обогащению за счет Византии, которым руководствовались как папа римский, так и Венеция и Генуя.

К. Маркс в своих «Хронологических выписках» уделяет большое внимание анализу позиции, которую занимали в дни осады Константинополя генуэзцы. Он пишет: «Подобно Джовани Джустиниани, другие генуэзцы тоже вели себя в Галате весьма двулично, днем оказывали помощь грекам, ночью — туркам; они преспокойно допустили перевозку турецких судов на катках сушией окружным путем, вокруг Галаты в т. н. Золотой Рог (внутреннюю гавань Константинополя)». И далее: «Предместье генуэзцев Галата было пощажено турками. Генуэзцы попрежнему вели там свою торговлю; они пользовались рядом привилегий, как и венецианцы. Генуэзцы храбро сражались, как воины, но их дипломаты вступили в соглашение с Мухаммедом»¹.

Таких скрытых и откровенных «союзников» у турок в 1453 г. было немало; их беспринципная, недальновидная политика способствовала военному успеху турок, которые, укрепившись в Константинополе, вскоре распространили свое господство на весь Балканский полуостров (включая Пелопоннес), Молдавию и Валахию, а затем вытеснили генуэзцев и венецианцев из бассейна Черного моря, вступив с ними в борьбу за господство в восточной части Средиземного моря.

Вот тогда венецианцами, генуэзцами и папой римским был поднят «плач» о потерянных на Востоке возможностях, об упущенном византийском «наследстве». Вновь заговорили о крестовом походе против турок. Представители Венеции и Генуи стали частыми гостями в Москве, стремясь втянуть ее в антитурецкую борьбу. Большие надежды эти итальянские республики возлагали на правителя Азербайджана и Северного Ирана — Узун-Хасана, в ставке которого, в Тавризе, можно было в 70-х годах XV в. встретить их послов и советников, тщетно пытавшихся спровоцировать выступление Узун-Хасана против турок.

В свете всех этих планов следует рассматривать брак Ивана III с Зоей (Софьей) Палеолог, который должен был способствовать выступлению России против Турции.

Известно, что Россия в это время была занята решением более важных и первостепенных, с точки зрения ее интересов, задач, среди которых главное место в политике России отводилось борьбе с Казанским ханством и Большой Ордой, как частями Золотой Орды. Доказано, что при Иване III, после его женитьбы на внучке византийского императора, в России вовсе не ставился вопрос о приобретении каких-то прав на византийское «наследство». Да этого и быть не могло, поскольку у Софьи Палеолог были братья, являвшиеся законными претендентами.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. т. VI, стр. 207.

Эти факты лишний раз убеждают в том, что включенные в историческую «Повесть» Нестора Искандера предсказания, связывающие русский народ с судьбою Константинополя, представляют собой явления позднейшего происхождения и, во всяком случае, они могли появиться только в самом конце XV или в первой половине XVI в.

Хотя всякого рода вставки и дополнения, равно как и идеализация греков (православных), придавшая всей «Повести» специфическую религиозно-политическую окраску, сильно нарушают единство исторического содержания «Повести» Нестора Искандера, но все же они ни в какой мере не вытесняют и не подменяют основной ее части, которую можно назвать дневником осады Константинополя.

Дошедший до нас в таком виде, который можно считать очень близким к первоначальному, этот дневник должен быть назван не только историческим, но и военно-историческим памятником.

В этом военно-историческом памятнике с предельной искренностью и правдивостью развенчивается ореол боевой славы и могущества турецкой армии того времени, вождь которой, султан Мехмед II, за доставшуюся ему с таким трудом победу над горстью защитников Константинополя, поспешил прибавить к своему имени победное звание «фатих» — завоеватель.

Неудачные маневры, предпринимавшиеся огромной турецкой армией под стенами Константинополя, неоднократные попытки штурма, которые с успехом отбивал небольшой гарнизон города, — все это скорее говорит не о силе, а о военной слабости турок и, во всяком случае, о неумении их, даже при наличии многочисленной артиллерии и флота, брать крепости.

На это обстоятельство обратил внимание Н. Г. Чернышевский в своем критическом разборе труда М. М. Стасюлевича. На вопрос, почему осада Византии была такой продолжительной, Н. Г. Чернышевский отвечает: «Это совершенно объясняется тем, что Византия была крепость довольно солидная, и в неприступном почти местоположении, а турки не умели осаждать крепостей не только тогда, но и ныне»¹.

О том, что крепости всегда служили для турецкой армии почти непреодолимым препятствием, можно судить по их неудачам под стенами Вены в 1529 и 1683 гг., Астрахани в 1569 г., Азова в 1641 г. и др.

Интересно, что при осаде этих и других крепостей на протяжении XVI и XVII вв. турки практиковали все те же тактические приемы и технические средства, которыми они пользовались под стенами Константинополя в 1453 г.

Отсюда можно сделать вывод, что военное искусство турецкой армии неизменно отличалось примитивностью и отсталостью, что, в свою очередь, влекло огромные потери, столь характерные для всех турецких войн.

Изучение «Повести» Нестора Искандера, как военно-исторического памятника, раскрывает слабые стороны турецкой военной организации в период максимального развертывания завоевательной деятельности турецких султанов. Их военно-феодальное государство было способно в XV—XVIII вв. выставить громадные по численности, но далеко не отличавшиеся высокими военными качествами армию и флот.

Выдающееся историческое значение «Повести» Нестора Искандера определяется тем, что она является первым оригинальным русским произведением XV в., посвященным описанию события большого международного значения.

Автор этой «Повести» — неизвестный русский человек, выступающий под именем Нестора Искандера (Искандер — турецкое произношение имени

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II. М., 1949, стр. 642.

Александр. — Н. С.), сообщил о себе очень скудные сведения в «послесловии», ограничившись, в сущности, указанием на свою службу у турок. Но и этих сведений, в сочетании с содержанием «Повести» Нестора Искандера, вполне достаточно, чтобы его имя стояло в первых рядах историков, описавших падение Константинополя на основе личных наблюдений.

Значение исторической «Повести» Нестора Искандера возрастает во много раз благодаря тому, что она является единственным современным источником, характеризующим турецкую армию, ее вооружение и тактику.

Вместе с тем «Повесть» Нестора Искандера вскрывает слабые стороны турецкой военной машины, развенчивает легенду о легких победах турок, потративших так много сил на взятие одного только Константинополя, не имевшего даже достаточного гарнизона. Тем самым эта «Повесть» помогает созданию правильного представления о военном, государственном и экономическом положении Турции в XV в.

Анализ ее еще раз подтверждает, что поражение Византии следует объяснять не превосходством султанской Турции, где господствовали примитивные социально-экономические отношения, а упадком самой Византии. Говоря о причинах гибели Византии, нельзя не вспомнить следующего положения Ф. Энгельса: «Как мумии мгновенно распадаются, когда они подвергаются воздействию атмосферы, так и война произносит свой смертный приговор тем социальным учреждениям, которые не обладают больше жизненной силой»¹.

«Повесть» Нестора Искандера заставляет испытывать искреннее чувство гордости за ее автора — простого русского человека-самородка, обладавшего незаурядным художественным дарованием, которое дало ему возможность создать произведение большого общественно-политического и исторического значения об одном из важнейших событий истории XV в.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 535.